Один в океане

Автор:
Ален Вьен

Один в океане

Ален Вьен

Бесконечный океан, как бесчисленное стечение самых разных событий, способен и разрушать, и созидать, наполнен самой жизнью и не боится предоставить встречу со смертью. Водная гладь – состояние человеческой души, но какой силы шторм в силах прервать её покой, а может, даже существование, навек? Как гибнет человек? Возможно, в этой книге не найдется ответа на эти волнующие вопросы, но зато показан сам процесс гибели, того, как губительно протекают эти часы и, вероятно, последние потуги души пред встречей со слиянием двух вечностей.

Ален Вьен

Один в океане

“Когда от вас отвернётся жизнь,

Когда не бьётся сердце в такт,

Вас примет смерть

И зажжет маяк,

И проведёт ваш свет

В свой личный мрак”

1.

Тихая водная гладь, изредка нарушаемая дуновениями ветра, простиралась от одной неизвестности к другой, не тревожа ничьё иное присутствие. Но не только ветер заставлял волноваться океанические просторы. Под небом, какое бывает только после сильного шторма, расположилась изуродованная яхта, явно пережившая встречу с нечто, что обладает колоссально разрушительной силой, о чём свидетельствовала царившая разруха на палубе.

Дымчатого цвета облака взвились ввысь и, собирая пожитки, спешили за своей огромной армадой, разрушающей любое сложившееся до них спокойствие. Сопровождаемые освежающим ветерком они быстро уносились куда-то на восток, желая сломить всё на своём пути.

Яхта, раскачиваясь и поддаваясь натиску ветра, будто невзначай, беспокоила сон, пожалуй, единственного живого существа на ближайшие тысячи километров. Это был человек, измученный и истерзанный от продолжительной борьбы со стихией, он лежал и не шевелился, никак не подавая никаких признаков жизни.

2.

По всей палубе были разбросаны самые различные объекты. От банок с едой до удочек и снастей. Все это слегка приходило в движение, перенимая то один борт, то другой от легких прикосновений волн. Кое-где даже виднелись грубо

сделанные отверстия неправильных форм; неглубокие отметены, виднеющиеся почти везде, всюду сопровождали взор, казалось, что их числу нет предела. Но там, где не было их, к примеру, на отдельных металлических участках, были вмятины и следы от сильных ударов чего-то массивного. И все это обрисовывало картину, как место и последствия ужасной встречи, случившуюся от всего лишь одного решения.

Кроме мелких повреждений и общего хаоса, на передний план выходила сломанная почти ровно пополам деревянная мачта, у которой местами были видны зарубки, а кое-где она и вовсе выглядела словно израненное тело.

И именно ее первой почувствовал лежавший без сознания человек, точно также израненный местами. На его руках красовались свежие раны, по ногам же текла еще не засохшая кровь. Пятки были изодраны, а порезы на руках пылали огненными красками. Любое прикосновение, даже обычное дуновение ветра, отдавало болью. А соль от морских вод только усугубляла состояние, в итоге заставив резко проснуться некогда бездыханное тело и с криком заявить о пока что не угасшей жизни.

Сложности начались сразу же. Сначала не без упорства он попытался раскрыть веки, засохшие и слипшиеся, что уже начало потихоньку, но заметно забирать часть тех остатков сил. После он попытался привстать, опершись на руку, но быстро поплатился за свою решительность: режущая боль огненной стрелой схватила ладонь и, пробравшись до костей, сломила все планы беспомощного существа. Не справившись с этим, он остался лежать, стараясь не делать никаких движений, от которых он то и дело вскрикивал, морщился и тяжело дышал. Ему оставалось только бездвижно оглядывать бесконечные поля океана с надеждой на скорое облегчение.

Но оно все не приходило. И он без всякого желания смотрел на эти плавные переливания волн, убаюкивающих своей монотонностью, уже изрядно успевшие надоесть за не первый день пребывания в этой тюрьме с несуществующим концом. Все их движения казались ему с синхронной точностью. Их танец сначала с возрастающей, а затем убывающей интенсивностью, так или иначе, успокаивал, предоставляя ему шанс расслабиться и прийти в себя, но он лишь вновь начал постепенно погружаться от немощности в сон, впоследствии унесший его глубоко в себя.

3.

Шум бьющихся об борта миниатюрных водных гор незамедлительно стал перерождаться в нечто другое, во что-то ему знакомое, отчасти родное. Удары, волнующие лодку, как маятник в руках опытного гипнотизёра, плавно меняли ритм, никак не тревожа гостя, а через некоторое время этот самый оркестр водных пространств мягко сменился на гул городской суеты, где машины активно участвовали в спорах между собой, где слышны были громкие голоса людей и звучание всевозможной музыки. Все это ему напомнило дом или же место, которое условно им являлось.

Мелодия оживленных улиц вселяла ему тепло и сладкую уверенность, что все то, что было, являлось сном, а сейчас он проснулся и находится в реальности. Он с удовольствием нежился в этих ощущениях, боясь спугнуть это чудо, но как бы он не старался сохранить его, ему не было суждено продлиться дольше положенного.

Ведь жестокая реальность, представшая пред ним злодейкой, с кровожадными планами не желала, даже на пару часов, отпускать его на волю, даже на незримую и в мыслях воплощенную. А его сопротивление в виде стараний заснуть после очередного пробуждения, мигом разрушалось, лишь дав заветные по десять-пятнадцать минут на каждую дремоту.

И уже на четвертый раз такого аттракциона он не выдержал и отбросил сладкий зов заснуть опять. Его глаза снова оглядели жалкую посудину, грязную и искорёженную, затем посмотрел на все то же неизменное море. Мир, в который он попал, не был для него пугающим, его холодный вперемешку с разочарованием взгляд бесстрашно оглядел сначала все вокруг, а затем себя. Кровь, раны, рванная окровавленная одежда – все это не только его не удивляло, но и будто являлось для него чем-то обыденным. Правда, встать по-прежнему не было для него возможным, отчего его лицо побагровело, не от возникшей крови, а от ярости, к тому же зверской, и с нечеловеческими криками на весь океан, с болью по всему телу, в особенности в области ребер, он начал потихоньку вставать, непроизвольно поддерживая одной рукой те самые ребра, другой же, опираясь, поднимать свое тело.

Через несколько минут ада, точно побывав там, он сидел на кормовой части корабля, свесив ноги и устало уставившись вперед себя. Еще пара минут и он с тяжелым вздохом, но по-прежнему с равнодушием в голосе, тихо произнес:

– Опять… опять… и не повезло же мне выжить, все щадят меня, а зачем? Как встречу, обязательно задам этот вопрос.

Затем он сделал глубокий вдох, как можно сильнее выпрямил спину, отображая на лице всю сложность этого, выставил руки в сторону и полетел спиной назад, ни о чем не сожалея позже. Удар. И новый истошный вопль оглушил океан.

4.

Ему не хотелось вставать, он жаждал лишь одного, и это одно все его никак не посещало. Две вечно враждующие стороны в новой схватке сцепились в его туманном разуме, и то одна, то другая захватывала лидерство, стараясь приуменьшить значение своей соперницы. Тонна мыслей, безумная суматоха в душе и нескончаемая боль не давали ему уже, наконец, просто лежать, ни о чем не думая, отчего он захотел вновь напоследок перемотать дни назад, и как книгу, пролистать их у себя внутри.

Первым он представил своих друзей, а точнее друга и подругу, которая единственная отзывалась теплом где-то в глубине под грудой негатива, хоть и не долго. Волнами горя и скверны захлебнулась та приятная отдача от мысли о ней, ее светлый образ потускнел, а затем и вовсе не имел ничего общего со светом.

– Ты такая же, как и он, два сапога пара, два нищенских поборника своих эгоистичных ценностей. Ха, но если он не стеснялся показывать свой вечный эгоизм в целях исключительно личного обогащения, продолжая писать свои жалкие сообщения лишь в нужное ему время, то ты умело скрывала свое лицемерие под громадой заботы и постоянного дружелюбия, якобы заботилась, якобы волновалась в тревожный час, а на деле держала меня при себе, чтоб воспользоваться в нужный момент! Думала, я не вижу это… разумеется, я же, думаете, совсем придурок… это уже не имеет значения, мне не привыкать терпеть, зато, надеюсь, им хорошо. Хотя интересно, известно ли им истинное

предназначение дружбы? Они наверняка недоумевают, куда это я запропастился, если вообще вспомнили обо мне. Увидеть бы их разочарованные лица, ух, сплошное наслаждение. А надо было слушать меня и внимать моим словам! Но нет, я же, думают, произносил их в шутку, не всерьез нес несуразицу, так пусть теперь подавятся моим отсутствием.

После некоторого времени обдумывания сказанного, ему стало стыдно, он отвернул голову и закрыл свои глаза.

Слабый ветерок щекотал его оголенные ноги, солнце щипало глаза, а морская соль неумолимо выедала кожу. К этим же страданиям присоединился и голод, который резко и беспощадно заявил о своем приходе. Но ничего уже не было способно прервать его размышления, а очередное дуновение ветра только направило их в нужное течение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alen-v-en_/odin-v-okeane

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить